

Письмо первоенадесять

От гнома Зора к волшебнику Маликульмульку

На сих днях, любезный Маликульмульк, я был с моим сотоварищем у одного богатого купца, который праздновал свои именины. Ты, может быть, удивишься, что столь знатный в своем роде человек, каков мой приятель, удостоил своим посещением торговца, но это удивление уменьшится, когда ты узнаешь, что он должен имениннику по вексям шестьдесят тысяч рублей, и для того часто пляшет по его дудке. Здешние заимодатели, имеющие знатных должников, имеют по большей части то одно утешение, что пользуются вольностью напиваться иногда с ними допьяна, и, вместо платежа денег, получают от них учтивые поклоны и уверения о неперменном их покровительстве. Имянинник, как видно, был великий хлебосол; он имел у себя за столом немало гостей, между коими занимали первое место один вельможа, человека три позолоченных придворных и несколько начальников сего города, да из числа известных мне по своим именам, о которых я нарочно наведался, чтоб мог тебе обстоятельнее пересказать о любопытном их разговоре. Были г. Припрыжкин, Рубакин — драгунский капитан,

Тихокрадов — судья и художник Трудолюбов; я, как ты можешь себе представить, был также не из последних, и сидел подле хозяйского сына, мальчика прелюбезного лет четырнадцати, который был доброю надеждою и утешением в старости своего отца.

Стол был великолепен, и Плуторез, так назывался именинник, кормил всех очень обильно; веселье в обществе нашем умножалось с преумножением вина; разговоры были о разных предметах, и попеременно говорили о политике, о коммерции, о разных родах плутовства и о прочем. — Вельможа, одетый с ног до головы во французской глаzet и убранный по последней парижской моде, защищал пользы отечества и выхвалял любовь к оному; судья ставил честь выше всего на свете, купец хвалил некорыстолюбие, но все вообще согласны были в том, что законы очень строго наказывают плутов и что надобно уменьшить их жестокость. Вельможа обещал подать голос, чтобы уничтожить увечные и смертные наказания, исполняемые за грабительства и за плутовства для их искоренения, за что многие из гостей, а более всего судья Тихокрадов и наш хозяин Плуторез очень его благодарили, и хотя сей вельможа, как я слышал, ежедневно делает новые обещания, однакож старых никогда не исполняет, но гости не менее были и тем довольны, что остались в надежде, для которой нередко просители посещают прихожие знатных особ.

Но как в столь большом собрании разговоры не могли быть одного содержания, то, наконец, речь зашла о хозяйском сыне <...>

Скажи мне, — спрашивал один из придворных хозяина, — для чего оставляешь ты сына твоего в праздности, он уже в таких летах, что может вступить в службу, или, по крайней мере, считаться в оной?

— Милостивый государь! — отвечал Плуторез, — это правда, что Вася уже на возрасте, и я не намерен всеконечно оставлять его без дела, но я еще не избрал род службы, в которую бы его определить.

— Друг мой, — сказал Придворный, — оставь его на мое попечение, ты можешь быть уверен в моей к тебе благосклонности, имев явное доказательство, что из дружбы к тебе я не совещусь занимать у тебя деньги и быть должными оными, а потому не можешь сомневаться о моем участии, какое приемлю я в счастье твоего сына. Дело состоит только в том, чтоб ты дал двадцать тысяч в мои руки, которые употреблю я в его пользу; помещу имя его в список отборного военного корпуса; сделаю его дворянином и потом пристрою его ко двору, словом, я поставлю его на такой ноге чтоб он со временем мог поравняться с лучшими, делающими фигуру в большом свете. Сколь же такое состояние блистательно ты сам оное знаешь и надобно только иметь глаза, чтоб видеть нас во всем нашем великолепии, на усовершенние которого портные, бриллиантники, галантерейщики и многие другие художники истощают все знания и искусство, чтобы тем показать цену наших достоинств и дарований... Богатые одежды, сшитые по последнему вкусу; прическа волос; пристойная сановитость; важность и уклончивость, соразмерные времени, месту и случаю, возвышение и понижение голоса в произношении говоримых слов, выступка, ужимки, телодвижения и обороты отличают нас в наших заслугах и составляют нашу службу. Грамоты предков наших явно всем доказывают, что кровь, протекающая в наших жилах, издавна преисполнена была усердием к пользе своего Отечества; а наши ливреи и экипажи нележно доказывают о важности наших чинов в государстве. Какое же

состояние может быть завиднее и спокойнее нашего? — Правда, что философы почитают нас мучениками, однако ж то несправедливо, а за то и мы считаем их безумцами, пустою тенью улаждающими горестную и бедную свою жизнь. Итак, друг любезный, что тебе стоит двадцать тысяч, не суцая ли это безделка в сравнении с тем счастьем твоего сына, которое я сильнейшим своим предстательством обещаю ему доставить; а знакомые мои, танцмейстер, актер, портной и парикмахер, через короткое время пособят мне сделать из твоего сына блистательную особу в большом свете.

— Как, сударь, — вскричал Рубакин, — вы называете блистательным то состояние в большом свете, в котором люди за свои достоинства обязаны некоторым искусникам; но из вашего мнения можно действительно доказать, что те самые искусники несравненно должны быть знатнее тех своих кукол, которых они, украшая, дают цену их достоинствам и... но что об этом много говорить! Нет, любезный Плуторез, если ты хочешь, чтоб сын твой был полезнее своему Отечеству, то я советую тебе записать его в военную службу. Вообрази себе, какое это прекрасное состояние, которое можно по справедливости сказать, что есть первейшее в свете, потому что не подвержено никаким строгостям, ниже каким опасностям, сопряженным с придворною жизнью. Военному человеку нет ничего не позволенного; он пьет для того, чтоб быть храбрым; переменяет любовниц, чтобы не быть ничьим пленником; играет для того, чтобы привыкнуть к непостоянству счастья, толь сродному на войне; обманывает, чтобы приучить свой дух к военным хитростям, а притом и участь его ему совершенно известна, ибо состоит только в двух словах: чтоб убивать своего неприятеля, или быть самому от

оного убиту; где он бьет, то там нет для него ничего священного, потому что он должен заставлять себя бояться; если же его бьют, то ему стоит оборотить спину и иметь хорошую лошадь; словом, военному человеку нужен больше лоб; нежели мозг, а иногда больше нужны ноги, нежели руки; и я состарелся уже в службе, но всегда был того мнения, что солдату не годится умничать. Итак, ты ничего умнее не сделаешь, как если запишешь своего сына в наш полк, ты же человек богатый, почему можешь сделать ему хорошее счастье; деньги только нужны, а прочее я беру на себя, и уверяю тебя, что твой сын сам будет тем доволен.

— Государь мой, — сказал улыбаясь Тихокрадов, — вы с таким жаром говорите о своем звании, что слушатели могут подумать, будто статское состояние и в подметки вашему не годится, хотя, не распложая пустых слов, я могу коротко сказать, что, служа в сем состоянии, обязан я оному знатным доходом, состоящим из десяти тысяч; вступая же в оное, не имел я ни полушки, и так, сие одно довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнее, нежели шпага; но я не люблю жарких споров, а держусь лучше основательных доказательств. Я не отрицаю выгод военного человека, но знаете ли, что статское состояние есть сборище лучших выгод из всех других состояний?

— Как! — вскричал Рубакин, — вы подьячих сравниваете с воинами? — Но можете ли вы в том успеть? Одно это, когда мы возьмем какую крепость, сколько приносит нам славы и сколько потом чувствуем удовольствия, обогащая себя всем, что только на глаза наши тогда ни попадется. Кто другой может иметь такую волю, чтоб без малейшего нарушения права присваивать себе вещи, никогда ему не принадлежавшие?

— Постоите, постоите, — прервал с скоростью Тихокрадов, — дайте мне докончить; вы тогда сами увидите, правду ли я сказал. Статской человек столько же казаться может блистателен, сколько и придворный; он так же может приобретать себе дарования пособиями тех самых искусников, которые своим искусством составляют достоинства большей части придворных, чему многие из наших судей могут быть явным доказательством; а иные столько уже в том себя отличили, что лучше знают, как одеться по последней моде и, сообразно годовому времени, нежели как отправлять по надлежащему свою должность и вершить судебные дела. Статский человек столько же может иметь тогда славы, сколько я военный когда он, сообразив все последствия и проникнув в сущность дела, разрушит все хитросплетения гнусных лжей, покрывавших мраком целый век или и более истину, которой определением своим доставит принадлежащую ей справедливость. Что ж принадлежит до обогащения его, то он имеет еще то преимущество что, не отлучаясь за несколько сот или тысяч верст и не подвергая себя столь видимой опасности, какой подвергается воин, может ежедневно обогащать себя и присваивать вещи с собственного согласия их хозяев, которые за немалое еще удовольствие себе поставляют служить оными и почитают за отменную к ним благосклонность, если от них оные принимаешь. Сверх того, статской человек может производить торг своими решениями точно так же как и купец, с тою токмо разницею, что один продает свои товары по известным ценам на аршины или на фунты, а другой измеряет продажное правосудие собственным своим размером и продает его сообразуясь со стечением обстоятельств и случая, смотря притом на количество приращения своего богатства. Если вы

против сего скажете, что все это не позволено законами, то по крайней мере должны в том признаться, что в свете введенные обыкновения столь же сильны, как и самые законы, сказанные же мною выгоды статского человека издавна между людьми вошли в обычай, и ныне они столько же употребительны и извинительны, сколько простительно придворному не платить своих долгов, а купцу иметь окороченный аршин и неверные весы или сколько сему последнему позволительно, обогатив себя чужими деньгами и надавав в приятельские руки пустых на себя векселей, избавиться тем от платежа истинных своих долгов. Итак, видишь ли, друг мой, — продолжал он, оборотясь к хозяину, — что я не солгал, и ты весьма несправедливо сделаешь, если предпочтешь какое-нибудь состояние статскому, в котором он может быть столько же знатен и блистателен, сколько и придворный; столько же обогащать себя всем, что ни увидит, сколько и воин, и с такою же способностью торговать, как и купец. Не отлагай же долее, отдай его в мой приказ и будь уверен, что я выведу его в люди. Не думай, чтоб я это обещал из одной учтивости, нет, мне ничего не стоит доставить ему чин, чему явным доказательством мой дворецкий, которого за усердную его ко мне службу сделал я секретарем, и так, когда я дворецкому доставил такое счастье, то будь уверен, что тебе, как моему другу, могу более услужить; нужно только потерять тебе несколько тысяч при его производстве, так и дело с концом...

Почта духов. 1789. Ч. I.